

Обычные призраки на самом деле не так уж и сильны. Они нападают только на тех, у кого слабое пламя. У людей с сильным пламенем, сколько бы раз ты ни оборачивался, они не смогут его погасить.

Но у людей со слабым пламенем, особенно если им не везет, даже прогулка у реки может закончиться встречей с водяным призраком и утоплением. Поэтому людям со слабым пламенем лучше не ходить к реке или к местам, где кто-то утонул, а после наступления темноты не выходить из дома.

Я была одной из тех, кто чаще всего видел эту нечисть. К счастью, у меня было крепкое здоровье, с детства я была выносливой, и моя янская энергия была достаточно сильной, чтобы не поддаваться их влиянию.

Однако даос сказал, что после десяти лет моя энергия начнет смещаться в сторону инь, и я могу привлечь к себе нечисть. Поэтому, уходя, он подарил мне маленькую деревянную табличку с непонятными узорами, которая, как он сказал, защитит меня. Мать всегда носила ее со мной.

Но я и подумать не могла, что наша связь будет гораздо глубже, чем просто случайная встреча.

Но это уже другая история.

Староста деревни Вэй был настоящим крестьянином, мастером в выращивании риса, и он всегда помогал в организации похорон в деревне. Но с насильственной смертью он столкнулся впервые. Не имея опыта, он решил действовать по обычаям деревни.

Староста приказал вытащить тело тети Дуна на берег и, не придав этому особого значения, побежал в дом семьи Ван, чтобы сообщить им о случившемся. Весенние дни были короткими, и к тому времени, как он добрался, уже стемнело. У тела остались двое мужчин: мясник Чжан, который специализировался на забое свиней и коров, и племянник старосты, Сяо Хэ.

Луна медленно поднялась над вершиной горы, и ее бледный свет осветил изуродованное водой лицо тети Дуна, на котором застыла странная улыбка.

Сяо Хэ, протирая глаза, с ужасом уставился на тело и, схватив мясника Чжана за руку, прошептал:

— Это тело... оно само улыбается! Это так страшно!

Мясник Чжан, усмехнувшись, оттолкнул его руку:

— Эй, Сяо Хэ, ты же образованный человек, как ты можешь быть таким трусливым? Ты же мужчина, а ведешь себя как девчонка!

Сяо Хэ не осмелился больше говорить, его лицо побледнело, рука дрожала, указывая на тело у ног мясника Чжана, и он, заикаясь, произнес:

— Это... это не страшно? Ты действительно смелый! Нет, нет, я... я уйду!

Сложив руки, он начал шептать: «Амитофо, простите, простите...» и, пятясь, быстро убежал.

Мясник Чжан, решив, что тот просто трус, плюнул вслед:

— И это образованный человек!

Затем он взглянул на тело у своих ног. Раздутое лицо, покрытое гниющими участками, едва сохраняло человеческие черты. Никакой улыбки, даже слез не было. Закрытые глаза казались спящими. Кроме ужасного вида, ничего особенного.

Мясник Чжан действительно был смелым. Его работа с убийством животных наполняла его сильной энергией, и обычные призраки не осмеливались приближаться к нему. Кроме того, он верил, что, если не совершать зла, нечего бояться призраков ночью.

Под светом луны он достал тыкву-флягу с вином и начал пить. Это было не самое лучшее вино, но он всегда брал пару глотков перед забоем, чтобы взбодриться, а затем плевал на нож, чтобы уменьшить страдания животных.

Кто бы еще осмелился так спокойно пить вино и напевать себе под нос в такой момент.

Семья тети Дуна жила далеко, и чтобы добраться до дома семьи Ван на востоке деревни, нужно было пройти несколько ли. Когда староста добрался до дома, он сообщил Ван Течжу, что его жена утонула. Ван Течжу не поверил, настаивая, что его жена уехала к родителям и еще не вернулась, а их сын был с ней. Он даже обвинил старосту в проклятии и, хлопнув дверью, начал ругаться.

Не успел он закончить, как в дверь снова постучали. Открыв, он увидел своего тестя, Лю Цюаня, стоящего на пороге с трубкой в руке.

Сегодня был странный день. Лю Цюань возвращался из города и, проходя мимо дома семьи Ван, решил проведать дочь и внука, опасаясь, что Ван Течжу не пускает их к нему. Увидев, как староста деревни Вэй и Ван Течжу ссорятся, он не стал вмешиваться, а просто закурил трубку и сказал:

— Эй, Ван Течжу, Дун Сян говорила, что придет помочь с кукурузой, а я уже все сделал. Где она? Ты снова ее обидел?

Ван Течжу был известен своим скверным характером, и, когда напивался, часто бил тетю Дун. Я сама видела, как он оставлял на ее теле синяки.

Отец тети Дуна был упрямым стариком. Хотя ему было больно видеть, как дочь страдает, он не разрешал ей разводиться. В то время в деревне развод был позором, поэтому он просто находил причины, чтобы дочь с внуком могли укрыться у него.

Лю Цюань был крепким крестьянином, и, хотя Ван Течжу был вспыльчивым, он не решался с ним связываться, так как исход драки мог быть непредсказуемым.

Староста деревни Вэй, услышав разговор, вернулся и, не дожидаясь ответа Ван Течжу, схватил Лю Цюаня за руку:

— Старик Лю, Дун Сян утонула, а этот упрямец мне не верит! Пойдем к заводу, посмотри сам!

Лю Цюань едва перевел дыхание, его глаза наполнились ужасом. Он тут же пошел с старостой к заводу, а Ван Течжу, услышав слова тестя, наконец поверил и поспешил за ними.

Когда они добрались до завода, двое мужчин, оставленных сторожить тело, исчезли. Староста про себя выругался, но, не теряя времени, подвел Лю Цюаня к телу.

Лю Цюань, протирая глаза, с трудом разглядел лицо, но одежду узнал сразу. Ван Течжу, заглянув, увидел на лице тела красное пятно — родимое пятно Дун Сян, и закричал:

— Это действительно Дун Сян! Где мой сын? Почему его нет?

Лю Цюань ударил его по лицу:

— Ты хочешь, чтобы с моим внуком что-то случилось?

Ван Течжу, потирая щеку, быстро ответил:

— Нет, нет! Мой сын не здесь, слава богу, он в безопасности!

К тому времени уже была глубокая ночь, и они попытались перенести тело тети Дуна домой. Но как только они коснулись его, их охватил леденящий холод, сильнее, чем в самые морозные зимние дни.

Староста деревни Вэй дрожал:

— Почему сегодня так холодно?

Лю Цюань, охваченный горем, не обращал внимания на холод и, стуча себя в грудь, ругал Ван Течжу:

— Ты, ублюдок, моя дочь жила с тобой в постоянных побоях, а теперь, когда она мертва, ты боишься ее! Если ты не отнесешь ее домой, я сам брошусь в реку!

Ван Течжу, услышав это, не осмелился сопротивляться. На самом деле он не убегал, а просто боялся. При жизни Дун Сян была мягкой и доброй, но после смерти ее лицо казалось зловещим. Раздутое лицо словно смотрело на него с едва уловимой зловещей улыбкой, хотя глаза были закрыты.

Гнилое лицо не выражало никаких эмоций, но улыбка, казалось, запечатлелась в его сознании.

В конце концов, Ван Течжу стиснул зубы, поднял тетю Дун подмышки, а Лю Цюань и староста подняли ее за ноги, стараясь не смотреть на ее лицо. К тому времени, как они добрались до дома Ван Течжу, была уже глубокая ночь.

Я долго ворочалась в постели, не в силах заснуть. Я боялась, что, если засну, снова окажусь одна на темной дороге, без помощи и поддержки.

<http://bllate.org/book/15434/1372228>